

вызывает у читателя сожаление. Кроме планов построек, хотелось бы видеть чертежи вертикальных, продольных и поперечных разрезов некоторых построек.

Следует пожелать автору продолжить нужную и полезную работу по изучению и публикации памятников деревянного зодчества по другим малоизученным районам; это составит основу для большого обобщающего труда по русской народной архитектуре.

Г. С. Маслова

«Очерки по истории Мордовской АССР», т. I. Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР. Саранск, 1955, стр. 576.

Выход в свет «Очерков истории Мордовской АССР» — большое событие в научной жизни Мордовии и ценный вклад в советскую историческую науку.

«Очерки» состоят из предисловия и шестнадцати глав и охватывают период от первобытно-общинного строя на территории Мордовии до Февральской буржуазно-демократической революции включительно.

В книге дана подробная библиография. «Очерки» написаны в основном сотрудниками Мордовского научно-исследовательского института, которые перед этим сделали большую работу по подготовке к изданию «Документов и материалов по истории Мордовской АССР» в 4-х томах. Был также разработан ряд вопросов из истории Мордовской АССР в трудах К. А. Коткова, И. М. Корсакова, И. Д. Воронина, Н. П. Руткевича, И. И. Фирсова, Г. Я. Меркушкина и других, опубликованных как в «Записках» Мордовского научно-исследовательского института, так и в отдельных изданиях.

Институтом были организованы археологические экспедиции, ценный и оригинальный материал которых является одним из основных источников для написания первых глав «Очерков». В книге широко использованы данные центральных и местных архивов, а также этнографические источники. «Очерки» предназначены для широких кругов советской общественности. В соответствии с этим в них даются ответы на ряд вопросов, вызывавших дискуссии в прошлом или теперь (об этнической принадлежности буртасов, происхождении слова «мордва», о феодализме у мордвы и др.).

Книга уже получила положительную оценку на страницах специальной прессы¹. Не вдаваясь в характеристику всей работы в целом, остановимся лишь на освещении в «Очерках» вопросов, относящихся к развитию мордовской культуры и на использованной в ней этнографических материалах.

Как видно из «Очерков», мордовский народ — абориген края — на протяжении веков создал большую самобытную культуру, истоки которой уходят в глубь веков.

Показаны исконные занятия мордвы — земледелие, скотоводство, рыболовство, охота и бортничество. Археологические данные говорят о развитии земледелия у мордвы уже в VI—IX вв. О древности бортничества свидетельствует, помимо приведенных в книге доказательств, также то, что вплоть до сегодняшнего дня у мордвы при поминках по умершим обязательно употребляется мед. Бортничество сохраняло свое значение вплоть до XVIII в. В книге подробно рассматривается развитие основных отраслей хозяйства мордвы и причины изменения их удельного веса. При этом используются данные писцовых книг, а также других архивных документов.

Говорится о развитии ремесла на территории Мордовии, об изменениях в жилище, одежде, пище, народном творчестве, народных знаниях и представлениях мордвы в связи с изменениями в общественном базисе.

В «Очерках» показаны тесные связи мордвы с русскими с древнейших времен и выявлено положительное значение этих связей. Территориальная близость обоих народов (а в дальнейшем совместное проживание на одной территории), а также близость их культур, как народов земледельческих, способствовали тому, что мордва много восприняла от русских. К мордве перешли более прогрессивные способы земледелия, некоторые сельскохозяйственные орудия и полевые культуры. Как видно из книги, русское влияние сказалось на всех сторонах жизни и быта мордвы.

Подробно прослеживается развитие просвещения у мордвы. На конкретных примерах показано, что передовые представители русского общества защищали интересы угнетенных народов, в том числе и мордвы. Они выступали за развитие образования среди мордвы, оказывали поддержку пионерам мордовской культуры. Характерен в этом отношении подробно описанный в «Очерках» путь мордовского ученого М. Е. Евсевьева и его плодотворное научное сотрудничество с академиком А. А. Шахматовым. С Мордовией были связаны в определенный период жизни Н. Огарев и другие члены герценовского кружка. В книге приводятся сообщения о распространении среди мордовского населения номеров «Искры» и произведений К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Как видно из «Очерков», выходцы из мордовского народа обогащали русскую культуру (архитектор М. П. Варнецов-Коринфский, живописец Ф. В. Сычков, скульптор С. Д. Эрьзя).

¹ «Вопросы истории», 1956, № 12, стр. 147—151.

В то же время авторы «Очерков» показывают, что благотворное влияние русского народа на мордовскую культуру тормозилось колониальной политикой царизма.

Книга создает у читателя правильное представление об историческом пути мордвы и развитии ее культуры. Однако ряд вопросов развития мордовской культуры мог бы быть освещен более детально, за счет сокращения имеющихся в книге повторений. Так, описание техники в сельском хозяйстве и других занятиях мордвы дано в книге очень кратко, а иногда и вовсе опущено. Было бы желательным иметь более подробное описание материальной и духовной культуры мордвы на различных этапах ее развития. Это позволило бы более отчетливо выявить основу мордовской культуры, ее самобытный характер, а также переработку сторонних влияний, в том числе и русского влияния.

Правильно поставленный в «Очерках» вопрос о взаимоотношениях русской и мордовской культур и о их взаимовлиянии разрешен в общем плане. Если же подойти к этому вопросу более конкретно, то, как выяснил Д. В. Бубрих, на эрзянские говоры оказывал большее влияние северновеликорусский элемент, на мокшанские — южно-великорусский. Это же прослеживается частично и в области материальной культуры. У эрзя обнаруживается большее влияние северновеликорусской и средневеликорусской культуры, у мокши — южно-великорусской. В этой связи интересно было бы выяснить, из каких мест и в какие районы Мордовии переселились русские.

По нашему мнению, несправедливо забытым в «Очерках» оказался русский писатель В. Г. Короленко, выступавший со страстным протестом против попыток дискредитации мордовского народа. Показательна в этом отношении его статья «Кузька — мордовский бог», полная гуманизма и сочувствия к мордовскому народу и одному из его представителей — Кузьме Алексееву.

Странно звучит следующая формулировка: «В сказках, различных пословицах, обрядах, в народной медицине отражены опыт и мудрость многих поколений» (стр. 194). Вряд ли обряды в этом отношении можно поставить в один ряд с народной медициной, пословицами и сказками. В обрядах скорее можно видеть заблуждения многих поколений.

При этнографических описаниях в книге допущены отдельные неточности, носящие, однако, частный характер. Так, на стр. 189 говорится, что дверь в курной избе состояла из двух частей: нижней и верхней. Во время топки верхняя полудверка для выхода дыма открывалась, а нижняя оставалась закрытой.

Однако такая конструкция дверей вряд ли существовала в Мордовии из-за ее практической нецелесообразности. В средней полосе России, при резко континентальном климате, с холодной зимой, такая дверь с неизбежной щелью у места соединения половинок была бы постоянным источником холода. Общеизвестно, что в крестьянском быту очень заботились о сохранении тепла. Как можно судить по источникам, в мордовскую курную избу вело две двери, одна из которых была сплошной, а другая, внутренняя — низенькой, т. е. состояла лишь из нижней половинки². Во время топки открывалась наружная дверь, а внутренняя полудверка оставалась закрытой.

О жилище мордвы в XVI—XVIII вв. говорится: «Против двери в одном из передних углов стояла глинобитная печь, топившаяся по-черному. Более состоятельные крестьяне начинали строить избы с русской печью, топившейся по-белому» (стр. 189—190). Но и курные печи были «русскими» так же, как и белые. А появление белых печей у мордвы, даже у зажиточных крестьян, относится не к XVI—XVIII вв., а к XIX веку.

Непонятно, почему сообщение академика И. И. Лепехина о том, что мордовские селения построены не улицами, а так называемыми кучами, что избы стоят среди двора, приведено не в описании построек, а в разделе «Просвещение» (стр. 195).

Как следует из «Очерков», одной из основных зерновых культур у мордвы в древности была пшеница, но уже в XVII в. она засеивалась в незначительных количествах. Почему это произошло, остается неизвестным. Это могло быть связано с переходом от залежной системы к трехполью, так как пшеницу в средней полосе России обычно сеяли по целине.

При описании одежды не отмечаются возрастные и социальные отличия, имевшие большое значение в прошлом. Когда в книге речь идет о головных уборах, имеются в виду лишь уборы замужних и не упоминаются девичьи. На стр. 491 говорится, что вышивками украшали «женские платья», хотя одежды под таким названием у мордвы в начале XX в. не было. Некоторые формулировки недостаточно четки: «Женщины носили белую холщевую рубашку — «панар», довольно длинную» (стр. 270): «Панар подпоясывается шерстяным или кумачным, собственного изделия, пестрым кушаком, который носился лишь по праздникам» (там же). А чем подпоясывали рубашку в будни? И как кумачный кушак может быть «собственного изделия»? В книге сообщается, что «эрзя на ноги наверхивала белые онучи, а мокша — черные» (стр. 271); но черные онучи бытовали у мокши лишь в отдельных районах.

Следует отметить некоторую невыдержанность терминологии в книге. Иногда одни и те же термины употребляются в разных значениях. Так, слово «промыслы» до 119 страницы употребляется в значении отрасли хозяйства (борничество, рыболовство, охота) (стр. 47, 78, 79, 113), а дальше «крестьянские промыслы» обозначают «изготов-

² Н. И. Спрыгина, Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьянского уездов Пензенской губернии, Пенза, 1929, стр. 24.

ление телег, бочек, саней, дуг, лактей, рогожных кулей, мочала, валенок» (стр. 216) и т. п., ранее определяемое как «ремесло» (стр. 53, 80, 81).

Некоторые специальные термины не объяснены, например «перевеси» (стр. 53) — приспособления для охоты. В то же время дается объяснение такого известного термина, как «бортничество», причем только на стр. 78, хотя речь об этом идет уже на стр. 52—53.

Не всегда приведены мордовские названия элементов культуры, а иногда они даются лишь на одном языке — эрзянском («кизамот» — борона, стр. 188; «пивцема» — щеп, стр. 189 и др.).

Иллюстрации по материальной культуре распределены неравномерно. Дано много рисунков по археологии, по одежде и утвари XVIII в.; иллюстрации же по культуре XIX в. отсутствуют.

Несмотря на отдельные недочеты, книга «Очерки по истории Мордовской АССР» может служить пособием не только по истории, но и по этнографии Мордовии. Желательно, чтобы это издание было возможно скорее доведено до конца.

Л. М. Сабурова

Г. Ф. Чурсин, *Материалы по этнографии Абхазии, Сухуми, 1957, стр. 264.*

Изданная Абхазским институтом языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа работа Г. Ф. Чурсина «Материалы по этнографии Абхазии» не была полностью подготовлена к печати самим автором. Полевые материалы, легшие в ее основу, собранные Чурсиным в 1928 г., всего лишь за два года до его смерти. Более двадцати лет рукопись хранилась в архиве Абхазского института. Здесь она неоднократно использовалась этнографами-абхазоведами, но, естественно, не могла получить особенно широкой известности. Выход в свет рецензируемой книги кладет конец этому положению, делая ценные материалы Чурсина достоянием широкого круга кавказоведов и всех этнографов.

Научная значимость работы Г. Ф. Чурсина определяется тремя обстоятельствами.

Во-первых, это работа монографического типа. Автор характеризует материальную культуру абхазов, их общественный (главным образом общинно-родовой) и семейный быт, религиозные верования, знахарство и народную медицину, космогонические представления, фольклор. Хотя не менее половины работы Чурсин посвятил религиозным воззрениям абхазов, хотя многие стороны их быта освещены неполно и фрагментарно, а некоторые (хозяйство, изобразительное искусство) не затронуты совсем, эта работа пока остается единственной в литературе попыткой разностороннего описания жизни староабхазской деревни.

Во-вторых, рецензируемая книга в ряде случаев имеет источниковедческое значение. Блестяще зная литературу по Абхазии, Г. Ф. Чурсин во время своих поездок по стране проверял малодостоверные или противоречивые литературные сообщения и тщательно фиксировал результаты. Так, в частности, Чурсин уточняет сообщения Н. Торнау о затворничестве женщин (стр. 19), Н. Джанашия — о времени моления святыне Инал-куба (стр. 33), Н. С. Державина — об обряде «бросания пули» (стр. 163) и т. д.

В-третьих, книга в ряде своих разделов представляет интерес для истории развития абхазской культуры в советское время. Конец 1920-х годов, когда Чурсин собирал свои материалы в Гудаутском, Очамчирском и Гальском районах Абхазии, был первым периодом ломки староабхазских традиций, формирования новой, социалистической культуры. И хотя основной целью исследователя при сборе абхазских материалов было изучение «пережитков пройденных ступеней культурного развития, представляющих драгоценный материал для истории культуры не только народов Кавказа, но и всего человечества вообще» (стр. 4), он не оставлял без внимания те новые черты в быту абхазской деревни, которые уже тогда, тридцать лет назад, были привнесены советским строем. Новый тип жилища, изменения в народном костюме, исчезновение грабительских набегов, новые брачно-свадебные обычаи, возникшие под влиянием советского брачного права, — все это было зафиксировано Г. Ф. Чурсиным в его работе.

Можно думать, что, работая над абхазским материалом, автор преследовал еще одну цель, тесно связанную с широким кругом интересов этого исследователя-кавказоведа. В некоторых разделах «Материалов по этнографии Абхазии» явственно проглядывает стремление автора обобщить те или иные черты культурного единства народов Кавказа, общекавказской культуры. Как известно, этим вопросам Чурсин посвятил специальную работу — «Очерки по этнологии Кавказа» (Тифлис, 1913). В рецензируемой книге описание отдельных явлений абхазской культуры, как правило, сопровождается многочисленными параллелями из области этнографии других кавказских (иногда не только кавказских) народов. Но работа над «Материалами по этнографии Абхазии», как уже упоминалось, не была автором завершена. Поэтому общекавказское распространение определенных культурно-бытовых явлений с уверенностью констатируется им лишь в некоторых случаях: тождественные представления о водяной деве (Дзызлан у абхазов, Цхлис-али у кахетинцев, Чинка у имеретин,